ков новгородского зодчества. На данных ее построено, в частности, изучение творчества одного из наиболее выдающихся живописцев XIV—XV веков — Феофана Грека, так как единственной документированной работой его является роспись церкви Спаса на Ильине в Новгороде, о принадлежности которой Феофану сообщает только Новгородская третья летопись.[1] В силу тех же своих особенностей этот памятник является важным источником, используемым археологами при планировании раскопок в Новгороде,[2] масштабы которых непрерывно расширяются и значение которых для изучения древнерусской культуры, в частности — письменности (мы имеем в виду открытие берестяных грамот[3]), трудно переоценить.

Настоящая статья представляет собой попытку выяснить лишь отдельные вопросы — время и условия возникновения этого памятника и отношение его к так называемой Иоакимовской летописи. При этом некоторые моменты, имеющие в данном случае подчиненный характер, освещены лишь схематически, без приведения полной аргументации, так как это не входило в непосредственную задачу статьи и потребовало бы значительного увеличения ее объема.

* *
*

Говорить об истории изучения Новгородской третьей летописи[4] практически не приходится. У дореволюционных исследователей можем найти только отдельные замечания и предположения,[5] являющиеся результатом

---

[1] Под 1378 годом. Имеется еще три известия о работах Феофана Грека — в Воскресенской летописи (ПСРЛ, VIII) и в Московском летописном своде конца XV века (ПСРЛ, XXV): в 1395 году он, вместе с Симеоном Черным и своими учениками, приступил к росписи церкви Рождества богородицы в Москве; в 1399 году им был расписан Московский Архангельский собор; в 1405 году Феофан, вместе с Андреем Рублевым и Прохором из Городца, расписывал Благовещенский собор в Москве. Однако от всех этих работ сохранился только иконостас Благовещенского собора, который не мог быть взят за основу в изучении творчества Феофана Грека, так как в этом соборе Феофан работал не один, а совместно с Андреем Рублевым и Прохором. Роспись же церкви Спаса на Ильине, по данным Новгородской третьей летописи, была целиком выполнена Феофаном. Не удивительно, что почти все исследователи, которым приходится писать о Феофане Греке, ссылаются на известие Н вгородской третьей летописи (см.: И. Э. Грабарь. Феофан Грек. — Казанский музейный вестник, 1922, № 1, стр. 4; Б. В. Михайловский, Б. И. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. М.—Л., 1941, стр. 157; В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 69; А. Анисимов. Новооткрытые фрески Новгорода. — Старые годы, 1913, декабрь, стр. 54; А. Строков и В. Богусевич. Новгород Великий. Под общей редакцией акад Б. Д. Грекова. Л., 1939, стр. 103—104; Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород. М.—Л., 1947, стр. 286, и многие другие работы).

[2] См: Н. Брунов и Н. Травин. Отчет о работе по исследованию Новгородской Софии в сентябре 1945 года — Сообщения Института истории и теории архитектуры, вып. 7, 1947, стр. 67; А. Л. Монгайт. Раскопки Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде. — Краткие сообщения ИИМК, XXIV, 1949, стр. 96; В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. — Краткие сообщения ИИМК, L, 1953, стр. 92, и другие работы.

[3] См: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. 1) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г) М, 1954; 2) отчеты о раскопках в журнале «Вопросы истории» за 1951—1956 гг. См также: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. Отв. редактор В. И. Боровиковский. М., 1955, и другие работы.

[4] В дальнейшем употребляется сокращенное обозначение НIIIЛ.

[5] Исключение составлял А. А. Дмитриев. Однако работа его («Библиографический разбор третьей новгородской летописи и отношение ее к прочим новгородским и Лаврентьевской летописям»), написанная автором еще в студенческие годы, к сожалению,